

ИМПОРТ МИРОВОЗЗРЕНИЙ КАК СОРТ НЕВЕЖЕСТВА

ПОЧЕМУ НЕВОЗМОЖНО НАУЧНОЕ ОПИСАНИЕ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Я уже говорил о том, что сама возможность выделения понятий социальной стратификации и создания соответствующих теорий возникает только в классовом обществе в попытках научного описания и формирования корпуса знаний об этом обществе. Сословное общество, в отличие от классового, закрыто для научной рефлексии своего устройства, если исследователь сам является членом этого общества. Описание и объяснение того, как организовано сословное общество, заключено в мифах и легендах, художественных произведениях, ценностных конструкциях, иногда принимающих формы телеологий, таких как марксистско-ленинская и аналогичные ей философии. Находясь внутри сословного общества, его член не может рационально объяснить ни его структуру, ни свое положение в нем. Он объясняет его иррационально, в мифе, сказании, саге, легенде, художественном произведении. Созданием мифов занимаются интеллигенты, которых другие члены сословного общества считают деятелями культуры и общественных наук.

В интеллигентском мифотворчестве исторические пространство и время, реальная социальная структура и экономические отношения существуют только потому, что они нашли свое художественное (книжно-зрительное) воплощение. Интеллигентские мифы о «правде жизни» и о том, что было «на самом деле», в сочетании с продукцией интеллигентных экспертов составляют содержание объяснительных конструкций, доминирующих в пространстве сословного мироустройства. Такие объяснения в этом общественном устройстве считаются научными, таковыми не являясь. Повторю: рефлексия общественного устройства в таком обществе закрыта, потому что институты позитивного (верифицируемо-

---

Глава из книги «Сословия и классы в современной России» (готовится к публикации).

* Далеко не случайно «взрывы» гуманитарной научной рефлексии в России совпадают со «смутными временами» революций и перестроек. И до тех пор пока в сословных обществах политика и экономика вместе с государством-обществом составляют противоречивое, но синкретичное целое, в них не сможет сформироваться рациональное знание о них самих.

го и фальсифицируемого) знания возникают только после (или параллельно) отделения политики от экономики и государства от общества, то есть при распаде сословной структуры и формировании классовой¹.

ИНТЕЛЛИГЕНТСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО

Таким образом, в сословном обществе место наук об обществе занимает интеллигентское мифотворчество. В нем нет и, наверное, не может быть науки как деятельности, направленной на разделение сущего на части-понятия с последующей теоретической реконструкцией мира в целом (или его фрагментов), основанной на экспериментальной проверке адекватности выделения исходных

Находясь внутри сословного общества, его член не может рационально объяснить ни его структуру, ни свое положение в нем

понятий. В этом околонучном мифотворчестве особое место занимают импортированные конструкции, то есть научное знание, полученное зарубежными исследователями и адаптированное интеллигентными обществоведами к отечественным мифологизированным реалиям. Корпус заимствованных знаний составляет основное содержание так называемых общественных наук. Но, с моей точки зрения, гуманитарное научное знание, в отличие от естествен-

нонаучного, не может быть заимствовано, отчуждено от материнской (рыночной) основы и перенесено в сословное мироустройство без фундаментальных искажений, прежде всего потому, что его объекты – люди и отношения между ними – принципиально различаются в сословном мироустройстве и в классовых обществах.

В ходе импорта экономических идей и теорий формируются группы «прогрессивных ученых – реформаторов и патриотов», изыскивающих соответственно на «экономическом реформаторском» или «патриотическом» языках, малопригодных для описания феноменов отечественной ресурсной жизни, однако весьма подходящих для описания того светлого будущего, которое возникнет после того, как импортная теория станет самой жизнью. Реформаторов и патриотов не смущает то, что ни одна из импортных теорий идеального общественного устройства не подходит для описания такого уникального гибрида явной сословности и латентной классовости, которым была, есть и, вероятно, будет наша страна.

Невозможность научного описания отечественных реальностей связана с различиями статусов научного знания в ресурсно-сословном и собственно экономическом государствах. Если в современном государстве с классовой структурой знание о ней прямо или косвенно (через СМИ и политические институты) включено в само общественное устройство, то в сословной системе социальное знание не может быть консолидировано и оформлено в традиционном для науки виде. Знание о сословном обществе-государстве рассеяно, как я уже говорил, среди его членов. Оно существует в виде сплетен, слухов, мифов и мифологем,

---

Опыт показывает, что попытки «построить рынок» или «ввести рыночные принципы», основываясь на теориях интеллигентных экономистов, заканчивались возвратом к ресурсному хозяйству

выражаемых в форме произведений искусства*, но никак не в форме фактов и построенных на них теорий. Это знание прежде всего о том, кто к какому сословию принадлежит, откуда родом, какие ресурсы у него есть и кто из приближенных допущен к их распределению, как консолидировались эти ресурсы, кто и когда был пойман на расхищении и как за это был наказан. Такого рода знание не верифицируемо и не фальсифицируемо, оно в принципе не то чтобы ненаучно, оно донаучно.

Это знание неоперационально, самоценно и мало что значит само по себе, вне контекста конкретных внутри- и межсословных отношений. Оно производится, тиражируется и навязывается членам современных сословий в системе средств сословной массовой информации (разного рода институты пропаганды и агитации): через школьные учебники, художественные произведения, телевизионные сериалы, аналитические и новостные программы и пр. Это мифологическое знание в значительной степени определяет модусы поведения членов сословий и потому является ресурсом, за распределение которого идет очень жесткая межсословная конкуренция. Ведь если знание становится ресурсом, то им – согласно принципам социальной справедливости – должны распоряжаться соответствующие сословия: ученые как часть сословия бюджетников и лица свободных профессий. Члены этих сословий, руководствуясь логикой, вполне адекватной ресурсной социальной системе, стремятся монополизировать источники знания и распределять само знание. Так как собственных источников знания у этих общественных ученых не может быть (эмпирические исследования не ведутся, а оригинальные мифологические конструкции отвергаются (их авторы, как правило, не члены сословия ученых), то они заимствуют знания «из заграницы»,

---

* Именно поэтому отечественное миропонимание искусствоцентрично (литературоцентрично), ведь искусство в целом и литература в частности выполняют в нем функции, которые в рыночных обществах выполняет наука. Мне кажется далеко не случайным то, что наиболее значимые мировоззренческие результаты в нашей стране были получены, с моей точки зрения, в искусствоведческой критике. Мировоззрение тех граждан СССР, у кого оно было, формировалось художественной литературой, кино, музыкой и особенно искусствоведческой критикой, но не наукой.

выступая в публичной сфере как «прогрессивные» или «патриотические» идеологи, политологи, социологи или экономисты*.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИМПОРТ ИДЕЙ

В многовековых попытках импорта теорий и идей реализуется описанная ранее логика, согласно которой знание о собственной социальной системе можно импортировать, распределить и освоить для того, чтобы с течением времени вставить в систему отечественных представлений об устройстве социального мира и тем самым этот мир уподобить «загранице». Такого рода импортированное знание лежит в основе всех без исключения попыток реформирования сословного мироустройства и ресурсного хозяйства.

Отечественные общественные науки есть мифотворческий субститут науки. Он позволяет интеллигентным обществоведам воспроизводить иллюзию знания, оставаясь вне описаний сословной реальности. Это проявляется в первую очередь в том, что сословные общественные науки имеют задачей не описание реальности, а «исправление недостатков», «интенсификацию», «модернизацию», «реформирование» и т. д. тех аспектов сословного бытия, на которые указала власть как на несовершенные. «Помощь власти», а не изучение реальности является главной задачей интеллигентных российских экономистов, политологов и социологов в том случае, если они занимают провластные позиции. И наоборот, они заняты мифологической борьбой с властью, если считают себя оппозиционерами. Интеллигентные обществоведы, в точном соответствии с принципами сословного мироустройства, могут либо обеспечивать служение и выполнять поручения «партии и правительства», если находятся на службе, либо их обслуживать, пусть даже диссидентствуя. И не более того.

В частности, обычным инструментом описания устройства современных обществ является наука политология с ее понятиями демократии и права, то есть формального равенства граждан перед законом. Но к нашей реальности политологические различия применимы только в относительно краткие периоды перестроек и революций. Ведь в отличие от демократии сословная организация жизни представляет собой упорядоченную форму неравенства членов разных сословий перед законом. Причем форма упорядочивания – сословные принципы согласования интересов – несовместима с политикой

* Ряд наиболее значимых импортеров теорий и концепций в новой истории начинается, как мне кажется, с Петра Великого, импортировавшего из Голландии принципы устройства государства, продолжается Екатериной Второй, заложившей в своем «Наказе» основы отечественного сословного устройства на базе знания об уже трансформирующейся в классовую структуру европейской системе социальной стратификации, Сперанским и компанией, которые попытались ревизовать сословную структуру на основе импортных знаний о том, что делается в Европе, Лениным и компанией, импортировавшими идеи социализма, академиками, членкорами, докторами и кандидатами марксистско-ленинских наук, импортировавшими «с Запада» наиболее им понравившиеся «прогрессивные экономические и политические теории» как теоретическую основу перестройки и «построения капитализма».

и политическим устройством. Может быть, поэтому попытки построения отечественной демократии всегда заканчивались созданием ее нефункциональных и недолго живущих имитаций.

С позиций импортных представлений оценивается политологами и роль публичного пространства, СМИ и гражданского общества в нашем общественно-государственном устройстве. Разговоры о необходимости свободных СМИ, гражданского общества и открытости власти не сходят с уст интеллигентных журналистов, политиков и ученых, целью своей жизни сделавших перенос социальных институтов из государств, которые

этим деятелям «нравятся», в нашу жизнь. Но в сословном обществе в периоды относительной стабильности нет и не может быть такого же публичного пространства, как в демократических обществах, оно просто по-другому устроено, в нем нет публики, нет и не может быть гражданского общества. Институт публичности не совместим с сословным распределением ресурсов, с административными рынками и сословной рентой. Публичность для них противоестественна.

Функциональным эквивалентом публичности в нашем общественном устройстве – вне перестроек – являются разного рода ресторанные или соседские посиделки, сословные собрания, клубы-бани и другие подобные институ-

ты. В телепрограммах, газетах, журналах и других формах подачи информации, внешне похожих на СМИ демократических обществ, нет и не может быть информации о важных для членов сословия фактах, отношениях, событиях просто потому, что такой информации в принципе нет. Вместо нее есть слухи, сплетни, анекдоты, слушая, запоминая и передавая которые члены сословий получают представление о том, что происходит и к какому дефициту им надо готовиться. В спокойные времена эти слухи и сплетни распространяются из уст в уста, или в «самиздате», или – как теперь – в Интернете, с перестройки начинается «гласность», при которой нюансы межсословных отношений становятся предметом публичного обсуждения и осуждения «прогрессивными журналистами».

Поэтому технические средства, которые служат в демократических обществах для наполнения публичного пространства значимой для всех граждан информацией, в нашем сословном обществе выступают поставщиком слухов и сплетен, источником анекдотов и не в последнюю очередь предназначены для развлечений, адаптированных интеллигентными лицами свободных профессий – работниками ТВ и газет-журналов – к своим представлениям о

культурных потребностях бюджетников, пенсионеров, коммерсантов, работающих по найму, офицеров и чиновников разного рода служб. А сословные обществоведы и лица свободных профессий четко делятся по тому, какую службу они обеспечивают или обслуживают: государственную гражданскую, военную или правоохранительную.

Особую роль в научном обслуживании сословного общества имеет социология – наука, которая в стабильные времена не может иметь своего предмета в нашем мироустройстве, так как она сформирована как наука о классовом обществе и не имеет понятийных возможностей для описания сословного мироустройства. Социологии не было в СССР в период его расцвета. Концепции и методы социологии были импортированы приближенными к власти интеллигентными обществоведами только во времена, когда даже членам Политбюро ЦК КПСС стало ясно, что в стране далеко не все ладно. «Разрешение социологии» было симптомом внутренней слабости системы, признанию чего противились настоящие марксисты-ленинцы, которые «давили» социологов. В основном благодаря этому давлению социология стала модной, в нее стекались диссиденты из всех советских сословий, что не добавляло содержания в результаты их исследований.

Советские социологи исследовали население как статистическую совокупность людей, вводя базовые сословные признаки (которые было разрешено вводить компетентными на то органами) в «паспортчики» анкет и совершенно, на мой взгляд, не рефлектируя того, что они делают. Они исследовали таким образом культуру и науку, текучесть кадров и благосостояние населения, миграцию и круг чтения, театральные интересы и аудитории партийных средств массовой информации. На основе результатов своих исследований они писали аналитические записки в партийные органы, которые иногда принимали соответствующие решения. Наиболее показательным применением результатов социологических исследований стало решение об оптимизации сети сельских поселений в 60-е годы XX века, которое привело к началу социального опустынивания страны за счет стимулирования миграции из сел на центральные усадьбы, из центральных усадеб – в райцентры и так далее.

От этой социологии к настоящему времени остались организации, занимающиеся статистическим исследованием общественного мнения «в целом» (которого в сословном обществе вне сословий нет и не может быть), и множество кафедр и институтов, занимающихся в основном тем, что их сотрудники ездят за границу в «мировые социологические центры», читают и воспроизводят устно и письменно труды зарубежных классиков социологии (применительно к своему представлению о том, кто есть классики и как устроена Россия) ввиду практически полного отсутствия собственных материалов и данных полевых исследований. Социологи, воспроизводя методы своих зарубежных коллег, уже много лет пытаются найти в стране свой предмет исследования – классовую структуру, в особенности средний класс, однако их попытки пока не увенчались успехом.

Исследование общественного мнения заключается в основном в том, что соответствующие государственные и ассоциированные с государством ис-

следовательские организации создают перманентную имитацию выборов и сопряженных с ними процессов. Опрашиваемых ставят в ситуации, имитирующие выборы в разные органы власти, и по результатам их ответов делают выводы о том, «кто победит», если бы выборы были завтра. Базовая сословная структура, возможный пока еще объект исследований (до момента полного торжества сословного устройства, когда то, что в нашем обществе называется наукой, превратится в деталь идеологического механизма), остается вне пределов интересов социологов просто потому, что в трудах зарубежных социологов, которыми они руководствуются при проведении опросов, есть только неясные намеки на ее существование.

Другим не менее важным атрибутом импортированного описания являются понятия науки экономики, специализированной на исследовании свободных рынков и рассматривающей дефицитные социальные системы как аномалии*. Понятия экономики явно не применимы для описания и анализа общественной

Новые, полученные в результате эмпирических исследований знания чаще всего отторгаются, если не удастся вписать их в уже существующие схемы распила обществоведческих ресурсов

системы, в которой порядок управления ресурсами, их концентрации, хранения, распределения, освоения и списания составляет содержание государственной жизни. Они оказываются в какой-то степени адекватными только во времена развала ресурсного хозяйства, в относительно краткие периоды смут. Опыт показывает, что попытки «построить рынок» или «ввести рыночные принципы», основываясь на теориях интеллигентных экономистов,

заканчивались возвратом к ресурсному хозяйству. Однако неприменимость традиционных импортных понятийных аппаратов к описанию отечественных реальностей только стимулирует экономистов к повторению попыток – под заклиная о том, что для страны жизненно важны рынок и демократия.

Известно, что наука экономика основана на эмпирической информации, на экономической статистике в первую очередь. У отечественных экономистов тем не менее она отсутствует. Советская система статистики, построенная для учета процессов и результатов посословного распределения и освоения ресурсов, практически развалилась, а российская статистика не создана, прежде всего потому, что нет научной рефлексии ресурсного характера российской экономики. К процессам, которые идут в отечественном ресурсном хозяйстве, экономисты пытаются применить методики и технологии учета и моделирования, разработанные для рыночных экономик. С известным результатом: есть тома цифр, которые правоверные либералы-экономисты интерпретируют как начало экономической катастрофы**, а чиновники, обеспечивающие «управ-

* Корнай Я. Дефицит. М., 1992.

** Илларионов А. Силовая модель государства: предварительные итоги // Коммерсант. – 2007. – 12 сентября.

ление экономикой», склонны считать, что грядет процветание: количество ресурсов, которыми располагает государство, увеличивается пропорционально «укреплению вертикали власти». Служилые люди считают, что то, что они понимают под экономическим ростом, ограничивается только недостаточностью ресурсной базы, и всемерно озабочены ее расширением.

Эта видимая социальная безместность отечественных ученых – лишь внешнее проявление их межеумочного статуса. Ведь социальные ученые – либо интеллигентные лица свободных профессий, обслуживающие разного рода государственное служение, либо замшелые бюджетники, озабоченные «распиллом» средств, выделенных государством на развитие образования, науки, культуры и СМИ. Сами идеология, культура и наука в сословно-государственном единстве представляют собой в основном лишь формы словесности, а не продуктивную деятельность.

Члены сословий ученых и деятелей культуры – за редкими исключениями – являются бюджетниками, отстаивающими свои претензии на получение ресурсов для осуществления научной и другой деятельности. На саму профильную деятельность – получение нового знания, создание культурных ценностей – у них, как правило, не хватает ресурсов, о чем они только и говорят. Реальные достижения и результаты в науке и культуре возникают, как правило, не благодаря сословно-государственной системе, а вопреки ней. Свидетельством этого могут служить многочисленные воспоминания «выдающихся советских ученых и деятелей культуры», в которых описывается то, как их начальники, по привычкам и манере поведения смахивающие на самодуров-феодалов, мешали им работать.

НАЗАД В СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

Основной формой деятельности в гуманитарной сфере в сословном мироустройстве является цитирование признанных и тривиальных результатов. Именно поэтому обязательными для обществоведов в СССР были ссылки на труды классиков марксизма-ленинизма, а основным критерием качества научной работы было соответствие базовым мифам. Точно так же для современных российских обществоведов обязательными стали знание английского языка, цитирование «классиков мировой науки», ссылки на свежие иностранные публикации и – вершина творческих достижений – публикации за рубежом и участие в международных научных мероприятиях*. Причиной неприятия производящей деятельности в идеологической, культурной и научной сферах, с моей точки зрения, является то, что в результате продуктивной деятельности воз-

* В дискуссии о конфликте на социологическом факультете МГУ, развернувшейся на сайте «Polit.ru», были высказаны «четкие критерии» научности современной отечественной социологии: знание английского языка, знание работ современных западных социологов, научные публикации за рубежом. О необходимости получения эмпирического знания, о собственно социологических исследованиях отечественной реальности дискуссионными участниками не было сказано ни одного слова. См.: http://www.polit.ru/story/sozfak_2.html

никают новые – не поделенные – знания – ресурсы. Процесс их раздела – «распила» настолько жесток и конфликтен, что гораздо проще и безопаснее осваивать уже имеющиеся «классические» концептуальные ресурсы или привлекать импортированные знания, чем исследовать собственную реальность. Новые, полученные в результате эмпирических исследований знания чаще всего отторгаются, если не удастся вписать их в уже существующие схемы распила обществоведческих ресурсов: в систему институтов, кафедр, учебных курсов и специальностей. Если в результате творчества возникают новые ресурсы и они ценны с точки зрения сословного строительства, для их распределения, как правило, приходится формировать новый сословный слой, институализировать новую для системы деятельность – научно-исследовательский институт, вуз, кафедру, вводить новые специальности как форму сословного учета. Но в этом случае общий эффект от создания нового ресурса оказывается минимальным, так как расход других ресурсов на институализацию нового ресурса обычно превышает возможное расширение ресурсной базы. Именно поэтому, с моей точки зрения, СССР был невосприимчив к инновациям и «внедрение достижений науки и техники», как и научное, идеологическое и художественное творчество, представляло собой нетривиальную задачу, решавшуюся чаще всего путем импорта идей, технологий и изделий, а в области культуры и искусства – импортом результатов творчества людей, в той или иной форме эмигрировавших из страны, но сохранивших отечественную культурную идентификацию. Такой путь не предполагает изменения привычной схемы «распила» ресурсов. И сегодня сословные политики, формируя идеологическую «повестку дня», ссылаются в основном на эмигрантов и диссидентов-отсидентов Ивана Ильина, Солоневича, Солженицына или на другие, менее известные публичные фигуры с такой же фактурой как на источник идей, концепций, интерпретаций и, самое главное, социальных фактов.

В области эмпирических знаний о стране уже много лет существует парадоксальная ситуация: с одной стороны, вся жизнь определялась и определяется постановлениями партии и правительства, указами президентов и другими нормативными актами. С другой стороны, мало что из властных директив исполняется и страна живет по-своему, часто вопреки официальной политике. Страна и полностью известна, причем настолько, что, кажется, что нечего изучать, кроме нормативных актов и хода их исполнения. Но она и полностью неизвестна, причем настолько, что даже сформулировать задачи исследований невозможно, нет необходимых понятий.

Научная, технологическая и идеологическая зависимость от разного рода импорта стала уже общим местом, и о ее преодолении рассуждают по меньшей мере четыре поколения руководителей страны. Эти рассуждения сопровождаются, как правило, изложением планов строительства очередного светлого будущего. Однако пока еще никто не пытался выяснить причины неудач предыдущих практиков сословного строительства и сословных мифотворцев, если причинами не считать обвинения уже отставленных власть имущих в предательстве, пьянстве, болезни и пр. Прежде чем что-то снова строить, надо бы

понять причины неудач предыдущих поколений строителей светлого будущего и что же мешает нашим «плохим танцорам» – реформаторам. Кроме того, надо бы определиться с тем, что такое «ресурсы», о необходимости наращивания которых не говорит сегодня только ленивый, а также с тем, что представляет собой «государственное служение», о котором практически не говорят ни исследователи, ни сами служилые.

Насколько мне известно, политологи, социологи и экономисты не обращают свое обремененное импортными стереотипами исследовательское внимание на эти столь значимые в нашей стране феномены, предпочитая персонафицировать причины неудач или объяснять их тем, что очередные строители светлого будущего использовали неадекватную импортную теорию.

Теории «прогрессивного» общественного устройства с их стратификациями заимствовались и 200, и 100, и 20 лет назад. Сегодня в терминах этих теорий вопрос о социальной структуре нашего общества социологами решается просто: постулируется, что она у нас классовая (или сословно-классовая), и ищутся индикаторы классового расслоения или профессиональной дифференциации. При этом предполагается, вопреки очевидности, что социальные группы

нашего общества формируются сами по себе, без участия государства. Даже профессиональная дифференциация исследуется этими учеными так, как будто она возникает естественным рыночным путем в отношениях между спросом на квалифицированный труд и предложением, а не в результате внешнего управления институтами образования, ориентированными в первую очередь на сословную социализацию. Заимство-

---

И сегодня сословные политики, формируя идеологическую «повестку дня», ссылаются в основном на эмигрантов и диссидентов-отсидентов Ивана Ильина, Солоневича, Солженицына или на другие, менее известные публичные фигуры

ванные методы и техники исследования не предполагают существования таких очевидно «рукотворных» групп, поэтому в результате исследований в лучшем случае возникает знание о некотором подобии отечественных и зарубежных социальных структур, но отнюдь не научное знание об отечественном социальном расслоении. Непрекращающиеся попытки понять (с негодными средствами), как устроено наше общество, мотивируются тем, что при видимой – вопреки множеству попыток реконструкции – бесструктурности социального устройства социальная структура в стране формируется, однако ее тип не ясен ни политикам, ни ее исследователям, мировоззрение которых определяется импортными стереотипами. Строители демократии и капитализма, как и строители «новой империи», сходны в том, что на дух не принимают того, что уже в стране есть.